Армагеддон возле горной речки

Радим - 5

Святослав Логинов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кто-то отправляется на Армагеддон, чтобы найти магические артефакты, а кто-то находит свою половину.

fantlab.ru © Kons

- Святослав Логинов
  - ○

Святослав Логинов
Армагеддон возле горной речки

Всякое дело, и доброе, и дурное, непременно начинается или имеет свое продолжение в таверне. Здесь удобно встретиться, обговорить дела и делишки, разузнать, разнюхать и познакомиться с нужным человеком. Здесь не обращают внимания на тихие разговоры и громогласную ругань. В таверне смотрят только на вынутые деньги и вытащенный нож. Очень удобное место для тех, кто затевает дурное или задумывает странное. Окончание дел обычно бывает в иных местах, конец — делу венец, а венцы с тавернами не в ладах, даже если таверна называется «Карлов венец».

«Карлов венец» считался захудалым заведением, гостей тут бывало немного, да и тех богатство не обременяло. Пастухи с окрестных склонов, крестьяне из ближних деревень, остановившиеся пропустить последний стакашек перед возвращением с базара, коробейники с убогим товаром и прочий подлый люд. Неудивительно, что все внимание хозяина, толстомордого Петерфикса, было обращено на двух залетных посетителей, примостившихся, как и следует быть, в самом дальнем и темном углу. Оба в серых дорожных плащах, с полупустыми котомками. Оба средних лет и самой непримечательной внешности. Большой выручки от таких ждать не приходится, а новостями пришлецы делиться не торопились, но они были здесь чужаками, а чужак всегда интересен, даже если свои новости он оставит при себе.

Обеда гости не заказали, спросили только по кружке пива: один — темного, второй — светлого. Не появится иной темы, завтра можно будет обсудить с завсегдатаями столь странный заказ и высказать по этому поводу немало остроумных предположений. А пока Петерфикс, пользуясь затишьем, подсел к двоим путникам и, кашлянув для вежливости, спросил:

— Издалека будете?

— Как сказать… — уклончиво ответил пьющий темное, а любитель светлого, в свою очередь, спросил:

— Не присоветуете, кто из местных хорошо знает окрестности. Нам нужен проводник.

— Все хорошо знают. Тут пастухов много, на Увалах и вдоль Бракса каждый камешек знают. Олени выходят к Браксу на водопой. Но лучшая охота все равно на Увалах, ближе к хребту. Архаров там много, снежные барсы встречаются, говорят, и

алмаса видели.

— Нам нужно за Увалы, к самому хребту. Судя по описаниям, там ущелий и долинок без счета, но карты толковой нет. Значит, нужен проводник.

— Пастухи туда не ходят. Да и охотники не часто бывают. Места дурные, нечисти много. Недаром драконоборец Онеро жил именно в нашем городе. Вы его дом не видали?

— Видали… — протянул один из гостей. — И сказки слышали. А вот скажите, любезный, если ваш земляк был так могуч, почему он эту нечисть не извел?

Онеро не разменивался на мелочь. Он убивал только драконов.

Оба гостя одновременно и почти незаметно вздохнули, а потом пьющий темное произнес насмешливо:

— О чем только не говорится в старых сказках… А ведь если бы те подвиги случались в действительности, их след тянулся бы тысячелетиями. Полсотни драконьих шкур — это нечто!

— Голов, ваша милость, голов. Их многие видели, когда Онеро въезжал в город. Они рассказали об этом своим внукам, и так, переходя от предков к потомкам, легенда дошла к нам. А драконьи головы исчезли в тот самый день, когда герой умер. Они просто истаяли, и даже самые опытные маги не сумели найти следа. Но дом Онеро стоит, целы древние подвалы и верхние комнаты, сохранилась коллекция оружия.

— Да-да, мы там были. Экспозиция очень впечатляющая. Но вы не ответили нам о проводнике. И, кстати, какая нечисть обитает в горных долинах? Мы с моим другом не претендуем на лавры Онеро, но хотелось бы знать, что так напугало пастухов и охотников?

Трактирщик в сомнении пожевал губами. Иным посетителям он бы знал, что наплести, но эти явно не чужды магии, а в таких случаях лучше не врать. И Петерфикс постно ответил:

— Не знаю. Но, говорят, там нечисто. Вы же понимаете, сам я туда не ходил. На реке с удочкой, вот и вся моя охота. А проводника я постараюсь найти. Отчаянные люди есть везде. Но учтите: за тех, кто ходит за Увалы, я поручиться не могу. Подобным людям не жаль ни себя, ни других.

— За себя мы как-нибудь постоим…

— Тогда советую подождать. В городе объявился Радим, это один из таких бродяг. Обычно он заходит в мое заведение, но если он не появится в течение часа, я пошлю мальчишку поискать его. А пока не желаете ли еще пива? Или, быть может, обед?

* * *

Петерфикс знал свою клиентуру, Радим появился в «Карловом венце» через полчаса. Невысокий, но сутулый, очень худой, он напоминал случайно выжившего ученика трубочиста. Бледное лицо с длинным носом было бы совершенно неприметным, если бы не навечно застывший трагический изгиб бровей, какой встречается у нарисованных клоунских масок. Но то была единственная яркая черта. Безвольный подбородок, впалые щеки, глаза, глядящие с полным безразличием. Костюм из доброго сукна, чистые руки — этот человек никак не походил на бродягу. Скорее уж, помощник архивариуса или местечковый писарь.

Хозяин перехватил Радима на пороге, что-то произнес и кивнул на дальний угол. Радим молча прошел туда и сел рядом с гостями. Немедля туда же подбежал мальчишка-половой и поставил на стол пуншевую чашу, полную горячей воды. Наверное, герцога здесь не обслужили бы так расторопно.

Радим, не морщась, отхлебнул крутого кипятка, затем произнес:

— Петер сказал, что у вас ко мне дело.

— Нам нужен проводник по ущельям и горным долинам, что расположены за Увалами, — без обиняков произнес один из нанимателей.

— Там небезопасно.

— Знаем. Но мы хорошо заплатим. Если, конечно, ты нас доведешь.

Радим пожал угловатыми плечами.

— Я все равно собирался туда завтра с утра. Если угодно, можете идти со мной.

— Сколько возьмешь за работу?

— Нисколько. Я туда иду по своим делам, и захватить вас мне не трудно, если, конечно, вы не станете задерживаться. Завтра на восходе зайду за вами сюда. Так что, если хотите завтракать, вставайте до света.

Радим выложил на стол медяк в уплату за выпитый кипяток и, не прощаясь, вышел. Маги, от внимания которых не укрылось, что половому, притащившему чашку, была неприметно сунута серебряная монета, переглянулись. Если такое происходит каждый раз, ясно, почему мальчишка с кипятком примчал стремглав. А вот все остальное оставалось загадкой.

— Парень не чужд колдовства, — не разжимая губ, произнес один из гостей.

— Собственной силы в нем нет, — возразил второй, — хотя он неплохо ловит магические потоки. Подобное нередко встречается среди деревенских дурачков, но он слишком хорошо

одет для дурачка.

— Дети помещиков тоже бывают деревенскими дурачками. Но в любом случае, смотреть за нашим другом придется в оба.

— Зато, если я хоть что-то понимаю, он приведет нас сразу в нужное место.

— Откуда он может знать?

— А он и не знает. Он просто ловит магические потоки, подобно тому, как мотылек летит на пламя.

— И сгорит как мотылек.

— Тебе его жалко?

— Представь себе, да.

— Потом его можно будет прогнать. Развернуть и дать пинка в зад. Он успеет уйти. А навредить нам не успеет. В одиночку там сгорит даже опытный маг.

— Как ты думаешь, он темный или светлый?

— Он еще никакой.

— Я тоже так полагаю. Именно поэтому мне его и жалко.

— Ладно, об этом мы поговорим по дороге. А покуда напомню, что завтра рано вставать. Не знаю, как ты, а я привык завтракать по утрам.

* * *

Радим, как и обещал, появился на рассвете. Теперь и у него были серый дорожный плащ, тощая котомка за плечами, а в руке небрежно ошкуренная рябиновая палка. Судя по всему, с палкой этой было исхожено немало троп: конец разлохматился, рогулька обломлена. Оглядев готовых попутчиков, Радим кивнул не то своим мыслям, не то соглашаясь с их внешним видом, будто произнес: «Идти будем быстро», и вышел на еще не проснувшуюся дорогу. Двое магов последовали за ним.

Некоторое время шли молча, приноравливая шаг друг к другу, потом Радим сообщил и без того известное:

— Меня зовут Радим.

— Меня зовут Дардейл, — ответил на незаданный вопрос любитель светлого пива.

— Меня — Влох.

Дальше шли молча. Дорога быстро распалась на несколько троп. Та, на которую свернули путники, заметно забирала вверх, хотя до лесистых Увалов было еще полдня пути. А здесь расстилались пологие холмы, служившие пастбищами, вытоптанные овечьи загоны, чахлые лиственные рощицы, куда можно загнать стадо в жаркий день. Унылые места,

облюбованные лисами и сурками. Даже волки, совершающие набеги на стада, предпочитали селиться подальше от своих охотничьих угодий. Водопои здесь располагались в низинках, где когда-то били родники, а теперь все было перемешано копытами и воняло навозом. Городское богатство прирастало в этих загородных местах и пахло весьма непрезентабельно.

— Чего вы в ущельях-то потеряли, — спросил Радим, когда его спутники уже решили, что весь путь так и пройдет в молчании.

Маги мгновенно переглянулись. В мимолетном обмене взглядами заключалось больше, чем в иной беседе. Уйти от ответа — проводник может обидеться и завести черт-те куда. Соврать — человек, чувствующий магические потоки, с полувзгляда определит ложь, если не прикрыть ее серьезным колдовством. Тратить силу на маскировку неразумно. Значит, лучше ответить правду.

— Видишь ли, мы волшебники, — осторожно проговорил Влох. — А по-вашему — колдуны.

— Это я и сам вижу, — отмахнулся Радим. — На охотников вы не похожи, на королевских соглядатаев тоже. Опять же, скарба у вас никакого. Значит — колдуны. Только, что колдунам в ущельях делать, ума не приложу.

— Мы готовим артефакты, — пояснил Дардейл. — Настоящие артефакты, которые обладают собственной волшебной силой. В дело годится все: клык оборотня, волос из гривы единорога, старое, вросшее в камень проклятие, деревяшка, опаленная ангельским взором.

— Что-то я таких не видал, — заметил Радим. — Это я о проклятиях и ангелах. Говорят, прежде такое бывало, а сейчас нет. А шерсть единорога видал и яд гидры тоже. Только они выдыхаются быстро. Однажды нашел крыло лугового эльфа. Оно на стрекозиное похоже, только побольше малость и воняет от него — страсть. Сколько уж оно там валялось, не знаю, но протухло. Сейчас, думаю, вы и этого не найдете. Я, всяко дело, давненько ничего подобного не видал. А хоть бы вы и нашли чего, все равно оно у вас протухнет. Это только в сказке Онеро умел драконьи головы коптить. Но и у него в конце концов все протухло.

— У нас не протухнет, — заверил Влох.

— Мы оправляем волшебную сущность в кокон заклинаний, примерно так же, как ювелирных дел мастер вставляет самоцветный камешек в кольцо. И тогда вместо магического куншту́ка получается артефакт. — Дардейл, как и положено человеку с длинным именем, был куда разговорчивее

товарища. — Артефакт — это волшебная вещь, которая не теряет силы, сколько бы времени ни прошло.

— И какая вам с того польза?

— Мы продаем амулеты. Видишь ли, магам тоже хочется есть, иногда три раза в день. В прежние времена встречались великие колдуны, мощью равные богам, а сейчас магия измельчала. Никто не учится древним искусствам и не учит других, войны темных и светлых магов извели колдовскую силу. Нынешним чародеям уже никак не просуществовать без волшебного инструмента, поэтому они готовы платить за наши артефакты огромные деньги.

— Сами, что ли, не могут? — проворчал Радим.

— Не могут. Артефакты умеем готовить только мы.

— Понятно… В городе тоже, что ни мастер, то полная кошелка секретов. От гордости раздуваются, будто жаба перед ужом. У нас, мол, секреты! А сами старую цепку спаять не могут. У прежних мастеров тоже секреты были, да позабылись. Нет уж, где секрет, там толку нет.

— Правильно говоришь. Только у нас никаких секретов не водится. Чтобы волшебная вещица стала артефактом и перестала терять силу, ее должны заколдовать два мага. Причем один должен быть светлым волшебником, а второй — темным чародеем. Вот и вся хитрость.

— Темные же со светлыми воюют, — недоуменно протянул Радим. — Это всякий младенец знает.

— Мы не воюем, — веско произнес Влох.

— Более того, — поддержал напарника Дардейл, — мы компаньоны. Другие воюют, поэтому их сила падает, а наша растет.

— Дружно — не грузно, — согласился Радим.

Под это оригинальное заключение прошли еще часа два, так что Дардейл, привыкший не только завтракать по утрам, но и обедать в середине дня, начал обводить ищущим взором окрестности, выбирая местечко для привала. Конечно, маг, если захочет, может довольно долго обходиться без еды и питья, но для этого надо захотеть, к чему Дардейл был совершенно не готов.

— Вон Увалы, — словно поймав его мысль, произнес Радим, указав палкой на лиловеющие на горизонте вершины. — Там хорошие родники. Обычно я ночую где-нибудь в тех местах.

Фраза эта означала, что дневки не будет и шагать путешественникам без отдыха до самого вечера. Дардейл вздохнул, сорвал на ходу стебель кислицы, чтобы было чем занять скучающие зубы, и прибавил шагу.

К хорошим родникам добрались задолго до наступления

темноты. Успели набрать хворосту, разжечь костер. Огонь у Радима, как и следовало ожидать, занялся с полуискры; такими приятными чудесами владеет всякий отмеченный толикой природной магии. Нашелся у бродяги и котелок для воды, которая на удивление быстро закипела. Странствующие маги могли бы вскипятить воду еще быстрее, прямо в своих кружках, но зачем тратить силы, если все готовится само. Черствый хлеб, не успевший зачерстветь сыр и копченое мясо были с собой. Пучок душистых трав, собранных Радимом, кружился в кипятке, наполняя воздух ароматом.

— Хорошо бы подстрелить косулю, — сказал Дардейл. — Я люблю вареный язык.

— Хорошо бы, — согласился Радим, — но некогда. Ночь в засидке караулить, потом тушу разделывать — считай, день пропал. Вот когда через Увалы пойдем, там фазанов много и диких голубей. Охотники тут бывают редко, и на птицу они не разменяются.

— Фазана так просто есть не станешь, — поправил Дардейл. — Тушка должна созреть, ей сутки в тепле пролежать нужно, а то не разжуешь, да и запах у нее не очень…

— Голубей настреляем, — Радим дернул угловатым плечом, — а фазана, если попадется, на завтра. Пусть себе созревает, завтра тоже жрать захочется.

— Все бы вам жрать, — проворчал Влох.

— Не только, — постно произнес Дардейл. — До девок я тоже охоч.

— Спать давайте, — недовольно перебил Радим. — Через Увалы ровной дороги не будет.

* * *

Дорога через Увалы и впрямь оказалась не дорогой и даже не лесной тропой, а сплетением звериных троп, нарочито уводящих в, сторону и исчезающих в самый неподходящий момент. Как Радим умудрялся не заплутать в этом бездорожье, не очень, понимали даже маги. Впрочем, они и не старались понять, доверяя спокойной уверенности проводника. Радим знал, куда идет, а ведет ли его опыт или чутье деревенского дурачка — не так и важно.

Фазанов путешественникам не попалось, а два голубя, подбитых камнем, это не ужин для троих мужчин. Однако ни Радим, ни волшебники не жаловались. Радиму, казалось, все было без разницы, а маги, посовещавшись и поколдовавши на привале,

занервничали и начали торопиться, как будто время, которого прежде было достаточно, вдруг начало поджимать. Весь следующий день путники спешили, не обращая внимания на голодное урчание в животах, которое, видимо, и распугало в окрестностях всю дичь. Провизию, захваченную с собой, доели и шли бы впроголодь, если бы Радим не сыскал в дупле трухлявого бука гнездо диких пчел. Нетерпеливого Дардейла пчелы покусали, слегка досталось и Влоху, а Радима если и куснули пару раз, то не больно; во всяком случае, на внешности проводника это никак не отразилось. Зато вечером в котелок вместе с травами были кинуты соты, и путешественники пили сладкий, медвяный отвар. Сплавившийся воск Радим спрятал в котомку, задумчиво сказав:

— Свечек понаделаю, в карты играть буду дотемна.

С кем он собирался тут играть в карты, осталось неизвестным.

Зато на третий день путники разжились наконец мясом. Ночью в чащобе было непривычно шумно, слышались треск и громкий сверлящий визг, казалось бы, у самого потухающего костра. Маги всполошились, но звуки ночной трагедии вскоре затихли, а идти на ощупь в темноту никто не решился.

— Утром посмотрим, — лениво сказал Радим, и колдуны согласились с проводником.

С утра Радим посмотрел, что творилось в ночи, и пока наниматели продирали глаза, притащил к остывшему кострищу зашибленного насмерть, но не тронутого хищником поросенка. Тощенький и полосатый, был он тем не менее достаточно велик, чтобы накормить собой всех троих, оставив чуток и на ужин.

— Кто ж это его, — пробормотал Дардейл, недоверчиво оглядывая нежданную добычу.

— Волк, кому ж еще… — ответил Радим, достав нож и примериваясь к тушке. — А может, алмас, они тоже, бывает, охотятся, если с голодухи.

— Тут и впрямь алмасы есть?

— Тут они как раз и есть. Это в других местах их не встретишь.

— Чего ж он поросенка не слопал, раз голодный?

— Секач помешал, — охотно объяснил Радим. — Кто там кого одолел, не знаю, но, думаю, им обоим сейчас не до поросенка.

Радим говорил, ни на секунду не переставая действовать. Огонь на кострище ожил по единому мановению, поросенка Радим выпотрошил, опалил, промыл в ручье и начисто выскоблил шкурку ножом. К этому времени в котелке уже булькали потроха. Дардейл с Влохом, понимая, что тут они не помощники, не

вмешивались, следили только, чтобы хворост возле костра не кончился. Дардейл наблюдал за чужой работой с улыбкой, а Влох, напротив, мрачнел с каждой минутой. Наконец он наклонился к товарищу и шепнул, не разжимая губ:

— Это не волк. Тут явно прощупывается колдовство. Я с таким прежде не сталкивался, но чувствую, что оно опасно.

— Возможно, алмас, — также неприметно ответил Дардейл. — Некоторые считают алмаса магическим существом.

— Посмотреть бы… в жизни не видел алмаса.

— Так он небось удрал куда подальше, — не отрываясь от работы, громко произнес Радим. — Разве что секач его сильно помял. Сейчас с мясом разберусь, и можно будет сбегать, поглядеть, пока поросенок жарится.

— Время поджимает, — проговорил Влох, стараясь скрыть неловкость от мысли, что проводник, оказывается, прекрасно слышал их тайные разговоры. С природной магией никогда не знаешь, чего ожидать: ее носитель может быть полным идиотом, а может оказаться удивительно смышленым человеком, может быть глух на все пять органов чувств, а может видеть зорче ястреба и слышать лучше летучей мыши. И все это дается так просто, без каких-либо заслуг и упорной учебы.

— Поросенок не сгорит, пока мы гулять будем? — спросил Дардейл, в отличие от Влоха ничуть не смущенный.

— У меня не сгорит. А сбегать бы надо. Мне и самому интересно, что там случилось.

Поросенка на вертеле оставили на попечение утреннего ветерка и спорым шагом пошли смотреть, что приключилось ночью в неприятной близости от стоянки.

Следов на месте битвы обнаружилось сколько угодно, дерн был вспорот, словно на копанке, на взрытой земле отчетливо отпечатались следы кабаньих копыт, а вот с кем дрался секач, понять не удавалось. Рыхлая земля, но ни единого отпечатка хищной лапы. Колдуны разглядывали землю, коротко переглядываясь и раздувая ноздри, словно хотели выследить хищника по запаху. Однако след первым обнаружил Радим.

— Ты поглянь, медведь! — произнес он, указывая на случайно уцелевший отпечаток, удивительно напоминающий босую человеческую ногу, но чуть не вдвое большую и с отчетливо видными вдавившимися в рыхлую почву когтями. — Что ж он, дурак, посреди лета на кабана-то попер? Другой жратвы в лесу мало?

— Не медведь это, — тихо произнес Влох. — Это оборотень.

— Чего оборотню в такой глуши делать? — усомнился Радим. — И следы зачем затирать? Он в человека перекинется да

уйдет. Я знаю, как они себя ведут.

— Где? — спросил Дардейл, стараясь не смотреть Радиму в лицо.

— Под городом лет пять назад объявился один. Только он в волка перекидывался. Вовкулак называется.

— И что с ним стало?

— Затравили его городские, потом просадили кольями и так проткнутого закопали на Могилихе. Потом болтали, будто он все равно встает, но это уже брехня, детишек пугать. А тут просто медведь. Поросенка схватил и думал, что стадо побежит. А секач не стерпел и кинулся. Медведь его задрал, потом по земле повалялся, они это дело любят, а тушу уволок. Прикопает где ни на есть, а потом будет тухлятиной лакомиться.

— Гладко у тебя получается, — Влох не то Радиму говорил, не то себе под нос бормотал. — Только все равно это не медведь, а оборотень. Я их породу во всяком обличье чую.

— Чего тогда на меня смотришь? — напрямую спросил Радим. — Я не медведь и не оборотень, знать должен, раз это дело чуешь.

— Знать-то знаю, а на медведя твоего поглядеть хочу поближе.

— Я и сам хочу, но боязно. Ни медведя возле добычи, ни оборотня зря тревожить не стоит. Были бы вы охотники, я бы понял, а вы говорили, что амулетики делаете.

— Артефакты, — скрипучим голосом поправил Влох.

— И нам удивительно, — добавил Дардейл, — что земля взрыта, следы затерты, а ни одного клочка шерсти не видать. И потом, куда он тушу девал? След где, хоть медвежий, хоть человеческий?

— Землю кабаны взрыли еще прежде того. А где следы — не знаю. Сами говорите, нечисто тут. Так я вас и предупреждал, что в здешних краях нечисто. Уходить надо.

— Уйдем. Но сначала… — Влох вскинул руки и незнакомым гортанным голосом пропел заклинание.

Начиналось серьезное колдовство, которого путники до сих пор избегали, экономя силы для неведомой цели. Радим сморщился и попятился от мага. Видимо, заклятие больно стегнуло по изощренным чувствам проводника, привыкшего ловить чуть заметные токи природной силы. Влох продолжал выпевать слова незнакомого, давно сгинувшего наречия, и в ответ раздался не то треск, не то рев разъяренного зверя. Ясень, стоявший у самого края полянки, качнулся, сгибаясь немыслимым для дерева изворотом, кора вздыбилась шерстью, трухлявое дупло обернулось зловонной пастью. Чудовище

рвалось к поющему чародею, но корни, слишком глубоко ушедшие в землю, покуда не пускали его.

Затем в дело вступил Дардейл. Короткое, словно вскрик, заклинание, и зверь, наконец высвободивший лапы из взрытой почвы, вместо того чтобы прыгнуть на врага, метнулся в сторону и, ломая кусты, исчез.

— Арбауэр! — выдохнул Дардейл. В голосе его было больше восхищения, нежели страха. — А я-то не верил, что они есть на свете.

— Аюкла, — тихо произнес Радим. — Я думал, в здешней дуброве леший пошаливает, а это вон кто!

— Красавец! — восхищенно добавил Дардейл. — И ведь расскажешь кому — не поверят.

— Что ж ты его отпустил? — посетовал Влох. — Бить надо было.

— Ничего, мы свое возьмем… Не может быть, чтобы он нам корешка не отломил.

Чародей наклонился, начал разгребать многократно взрытую почву. Влох подошел, принялся помогать.

— Воняет, — недовольно произнес он.

— Это от кабана. Туточки он закопан. А вот и корешок!.. — Дардейл потянул из земли корень, обломленный спешащим оборотнем.

Почти сразу после того был найден второй корень, а затем и еще один, поменьше. Теперь и Влох оставил хмурый вид и излучал довольство.

— Нет там больше ничего, — напомнил о себе Радим, — а поросенок сгорит, если еще будете копать. Или съест его кто-нибудь. Придется тогда кабана выкапывать вонючего.

Угроза подействовала, и перемазанные землей волшебники поспешили обратно в лагерь, разглядывая на ходу свои находки.

— Из этих корней амулеты делать будете? — без особого интереса спросил Радим.

— Из них, — откликнулся Дардейл, даже не поправив проводника, который опять обозвал колдовской артефакт амулетом.

— Я знаю тут одну травницу, которая тоже амулеты готовит, так она бы корешок аюклы за версту обошла. Кто понимает, сразу видит: от этой штуки только порча, равно на всех, и на того, кого сглазить хотят, и на того, кто колдует. С аюклой шутки плохи, это тебе не майская трава и не мышиный череп. Так что вы там осторожнее.

— Почему ты его аюклой зовешь? — поинтересовался Дардейл.

— А вы почему кличете аюклу арбауэром? — не остался в долгу проводник.

— В книге монстров и магических существ, — наставительно произнес Влох, — арбауэром назван оборотень, в обычном состоянии имеющий вид дерева, но способный трансформироваться в медведя. Добычу он закапывает в земле, укореняется поверх нее и высасывает соки. Впрочем, никто из ныне живущих магов не рассказывал, будто встречал живого арбауэра. Книга монстров написана не колдуном, а библиотекарем, так что сказок в ней больше, чем правды. Просто удивительно, что эта легенда оказалась истинной.

— У нас об аюкле тоже сказки рассказывают. Растет, мол, в лесу дерево-людоед, которое кричать детским голосом может: «Аю! Аю!..». А кто подойдет на крик, того схватит. Враки, конечно, вы сами видели: оно как дерево ничего не может.

— А кричать?

— Того не знаю. Сам первый раз аюклу видел. Вы уж его не трогайте, зверюга безобидная, пока в глуши живет.

Дардейл усмехнулся кривоватой улыбкой и согласно сказал:

— Нам самим твой аюкла живым нужен. Убили бы его сейчас, сила вот этих обломков вдесятеро бы упала. Так что пусть гуляет, покуда его корни носят.

В лагере колдуны, даже не глянув на завтрак, занялись добычей волшебной. Корни были вымыты в ручье, выпрямлены и обмотаны серой пряжей, добытой из мешков. Началось колдовское действо. Радим поморщился и, отломив свою долю свинины, отошел подальше. Глухо доносились голоса, волны чужой магии неприятно свербили разум, путая мысли. И зачем взял с собой таких попутчиков? Ведь знал, что так будет. Волшебники идут по волшебным делам, — значит, будут колдовать. А все равно взял. Похвастаться, что ли, захотелось? Или просто невмоготу стало одному быть? Ну, теперь терпи. Вот один гундосит, и пряжа, которая и не пряжа вовсе, закручивается по часовой стрелке, истаивая и впитываясь в живую древесину. Теперь второй начал крутить против часовой стрелки. Так и будут, один посолонь, другой противосолонь, пока на корешке не образуется прочный слой. И впрямь, никакой тайны, просто научились темный чародей и светлый волшебник вместе работать. Им хорошо, их двое. Интересно, играют ли они друг с другом в карты или каждый раскладывает свой пасьянс? Ну… вроде закончили. Можно возвращаться.

У костра на расстеленной тряпице лежали три бывших корня. Теперь они блестели, словно покрытые лаком, и даже на взгляд казались твердыми.

— Волшебные палочки, что ли? — спросил Радим.

— Совершенно верно, — отозвался Дардейл.

— А что они умеют?

— Покуда ничего. Чем их хозяин наполнит, то там и будет. Только сила заклинания, которое маг туда вложит, увеличится стократ. Сам по себе волшебник может быть ничтожным, сила в нем чуть теплится, а с такой палочкой — чудеса будет творить. И мощь этого артефакта не выдохнется никогда. Понятно теперь, чем мы занимаемся?

Радим, не ответив, потер лоб и задал новый вопрос:

— Вы их на продажу, что ли, выставите?

— Не совсем. Эти две, что побольше, себе оставим. Нам прежде подобной редкости не попадалось, Причудливые вещицы, их из рук выпускать жалко. А эту, что поменьше, на продажу. Восточные маги за такую золота отсыплют — вдесятеро по весу.

— А не отнимут?

— Пусть попробуют, — Дардейл взял тот корень, что предназначался ему, и любовно огладил плавные изгибы древесины. — Мне даже охота, чтобы кто-нибудь попытался меня ограбить. То-то будет смеху!

— С этим не залежится, — пообещал Радим. — Уж на что в здешней округе мирный народ, но ежели чего спереть, то всегда пожалуйста. Так что палками своими зря не машите.

— Не будем махать, — произнес Влох, после чего разговор о делах волшебных затих сам собой.

* * *

Через день путешественники поднялись на водораздел, и с верхушки лесистых Увалов им открылся вид на настоящие горы, вздымавшие заснеженные вершины к самому небу. Долина, разграничивающая Увалы и горный хребет, была камениста, заросла нехоженым лесом, местами сужалась до размеров ущелья. Постоянного населения здесь не было, редкие охотники и старатели также не задерживались в диких местах. Рассказывали об этих долинах всякое, по большей части недоброе. Будто бы обитали в ущельях людоедские племена, бродил алмас — дикий человек, ужасающий несказанной силой и магической мощью, водились горные тролли, а подле них — всякая вредная мелочь. Что в этих рассказах правда, что враки, а что поэзия, знали немногие. Но одни помалкивали, а другие, остановившись в «Карловом венце», добавляли в общую копилку врак и поэзии. В любом случае, для Влоха и Дардейла нехоженый край обещал

богатую добычу.

Трое путешественников долго стояли, глядя в просвет между деревьями на синеющий вдали склон.

— Мы много чудесного слыхали об этих местах, — задумчиво проговорил Дардейл.

— Ага, — согласился Радим. — Я тоже много слыхал. Всех слушать, так тут места для простого пня не останется, под каждой коряжиной ухожор сидит.

— Кто-кто?

— Ухожор. Нешто вам Петерфикс про ухожоров не наплел? Если какая девица на выданье начинает подолом крутить, то непременно неподалеку объявляется этакий франтик, смазливый, галантный и по моде разряженный. То да се, ах, мамзель! — подарочки, конфетки… а потом девку найдут в овраге придушенной, и уши у ней будут отгрызены. Значит, ухожор постарался.

— А на самом деле?

— Да кто его знает, что там на самом деле… Это затеи городские, мне они неинтересны. А тут никаких ухожоров нету, они в этих местах с голоду перемрут. За кроликами им гоняться, что ли?

— А кто здесь есть? — вопрос задал Влох, и как обычно, после его вопроса повисла минутная тишина.

— Звери есть разные, — Радим явно не спешил с ответом, подбирая слова. — Алмас есть, но вам его трогать незачем. Волшебства в нем незаметно, но это и не зверь. Он больше на человека похож, хотя и звериного в нем много. Мелкая нежить раньше часто попадалась, а теперь нету — расползлась кто куда.

— Почему?

— Это у вас спрашивать надо. Вы колдуны, вам и карты в руки. Вот в горах на склонах камень-глядун попадается. Так его ковыряйте, не жалко. Никчемное создание.

— Что он делает?

— А ничего. Глядит. Так-то не видно, а я чую. Еще он под ногой подворачивается, если на него наступишь ненароком. Человек упадет, ногу попортит, а он глядит. Тьфу! Горные козлы на этот камень никогда не наступают, а люди — случается.

— Что за глядун? — недоумевающе произнес Дардейл, обращаясь к Влоху.

— Должно быть, подвертыш, — пояснил тот. — Окаменевший кобольд. А еще говорят, такими свойствами обладает камень, на который плюнул адский князь.

— Хорошо бы…

— Нет здесь никаких адских князей, — возразил Радим, — и

на моей памяти не было. Кому он нужен этот ваш князь? Силы в нем меньше, чем у дракона, а гонору под потолок.

— Хорошо сказано, — усмехнулся Дардейл. — Можно подумать, ты каждый день с адским князем ручкуешься, а дракону за ухом чешешь и можешь сравнивать, с кем из них тебе приятнее.

— Мне это незачем… — обиженно прогудел Радим. — Это и так все знают. Вы людей-то послушайте, они вам всё расскажут.

— Вот именно, всё — и много сверх всего. И что в этих рассказах сказки, а что присказки, ни один мудрец не разберет. Сам же говорил, всех слушать, так тут места для простого пня не останется.

— Так его тут и нет, простого пня. На этом склоне лес не рубят — некому…

Сказано было красиво, хотя два недавних утверждения по-прежнему не согласовывались друг с другом. Впрочем, Дардейл спорить не стал, а Влох и подавно.

Некоторое время все трое стояли молча, потом Радим спросил:

— И куда вы дальше хотите? Определяйтесь сразу, а то потом с выбранной тропы уже не свернешь. Это отсюда гладко смотреть, а там леса нехоженые, и склоны такие начинаются, что безо всякого подвертыша ноги переломаешь.

— Сам-то ты куда идешь? — осторожно спросил Дардейл.

— А вот туда, — Радим дернул головой, примерно обозначив направление.

— Ну, и мы туда.

— И чего вам там делать?

— Нам, в общем-то, без разницы, куда идти, — не слишком искренне сказал Дардейл. — Волшебные сущности встретиться могут повсюду. А вот тебя что понесло в глухомань?

— Я тут гуляю, — просто признался Радим. — Тут дышится легко, а в городе меня душит.

— Построил бы избушку и переселился сюда насовсем, — посоветовал Влох.

— Я вам что, отшельник? — в голосе Радима впервые зазвучала недовольная нота. — Без людей мне тоже тошно. Вот и мотаюсь тудой-сюдой. Так вот… пошли, раз вам все равно куда брести.

Двинулись вниз.

— Лет тебе сколько? — как бы между прочим спросил Дардейл.

— Много, — не оборачиваясь, ответил Радим.

— Много, это сколько?

— Да кто ж их считал? Мне глупостями заниматься некогда.

— А читать ты умеешь?

— Умею, учил меня один шутник. И читать учил, и писать. Только мне не надо, я уж все знаки, поди, перезабыл.

— Понятно… А родные твои в городе живут?

— Нет у меня родных. Я сыздетства сирота. Сначала в людях жил, потом меня один старичок к себе взял. Но он уже помер давно, и с тех пор один живу.

— А на жизнь чем зарабатываешь? Живешь ты вроде не бедно, с нас, вон, гроша не стребовал…

— Ха!.. Взял бы с вас деньги, значит, подрядился бы в услужение. А так, я — вольный человек, вы — вольные люди. Идем на равных. Просто мне с вами веселее, вам со мной удобнее… А на жизнь я зарабатываю по-всякому. По времени охочусь, но больше знахарям и лекарям помогаю. Тут на склонах, случается, такие травки и корешки попадаются, что не меньше ваших амулетов ценятся. Опять же, в горах у самых снегов целебная смола бывает.

— Мумиё, что ли?

— Ну да… Тоже денег стоит. Другим до нее не добраться, а я умею. Раньше я еще по золоту и серебру старался, но теперь бросил.

— Чего так?

— Грязное дело. И не то беда, что много труда, а то горе, что бед море. Прослывешь удачливым старателем, так тебя и соследить пытаются, и ночью в проулке прирезать. Раз я самородок сыскал с баранью голову величиной, так такое поднялось! Думал богатства огребу на сто лет, а сам еле ноги унес. Это не здесь было, а в других краях. В этих горах я и знать не хочу, что в земле лежит. Мне спокойнее, и земле чище.

— Привираешь ты малость, — заметил Дардейл. — Самородок с баранью голову, знаешь, сколько весит? Одному человеку такой не снести.

— Может, и привираю, — согласился Радим. — Старателю положено.

— Заковыристый ты человек… — усмехнулся Дардейл. — Тебя хоть самого на артефакты переделывай.

— Не дамся, — серьезно ответил Радим и, не дожидаясь отклика, размеренной поступью пошел вниз.

* * *

Последнее гадание, которое устроили странствующие маги,

показало, что Радим все-таки вывел их к тому месту, куда они так стремились. Магические потоки скручивались здесь в немыслимые смерчи, так что не только волшебник, но и всякий не вполне загрубелый человек мог почувствовать их бурление. Обычная добыча колдунов, всевозможная колдовская шушера бежала из этих мест или, напротив, самоубийственно сползалась отовсюду, чтобы сгореть в той вспышке, которая могла произойти всякую минуту.

Радим подобрался и шел теперь целеустремленно, не отвлекаясь по сторонам и почти не обращая внимания на спутников. Видимо, и он был подхвачен ураганом, обещавшим сжечь всякого, кто окажется поблизости.

Маги переглядывались многозначительно, но ничего не произносили.

В последний день, не сговариваясь, остановились на луговом распадке у самого подножия пологого склона. Само собой было решено, что именно сюда и стремились все трое. Скинули невесомую поклажу, но не стали ни разводить костра, ни готовиться к ночлегу. Вместо этого Дардейл, поймав согласный кивок Влоха, подошел к Радиму и, глядя ему в глаза, произнес:

— Спасибо тебе. Довел. Вот только оставаться тебе здесь не надо.

— Ты, может быть, сам не понимаешь, что тебя сюда тащило, а мы видим. Тут с часу на час начнется что-то небывалое, и я тебе прямо говорю: ты не выживешь. Уходи, и как можно быстрее. Успеешь спрятаться за Увалами — останешься жив. Не успеешь… что ж, я тебя предупредил.

Влох молча стоял за спиной товарища, и весь его вид выражал согласие со сказанным.

— Чего это я должен уходить? — недоуменно спросил Радим. — Я в этом распадке тыщу раз бывал и никогда никакого зла не видел.

— Теперь увидишь, — хмуро произнес Влох. — Мы не знаем, что здесь случится, но это будет страшно. Уходи быстро.

— Вы-то уходить не собираетесь! А я чем хуже? Или вы сюда помирать пришли?

— У нас есть защита, — терпеливо объяснил Дардейл. — Нам ничего не будет. А на тебя защиты не хватит, даже если бы мы захотели поделиться.

— Что же, я сюда зря шел, что ли? У меня тут тоже дела. Это вы пришли на мои места, а не я к вам.

— Говорят тебе: сдохнешь ты тут! Может быть, уже завтра утром сдохнешь! И хоронить нечего будет. А так останешься жив, и мы потом тебя в городе отыщем и заплатим, как полагается.

— Нет, — Радим покачал головой. — Не пойду. И денег ваших мне не надо, я сюда сам по себе пришел.

— Ну, как знаешь. Мы тебя предупредили. Хочешь — оставайся. Только отойди малость, мы убежище будем строить, так нам не хотелось бы зашибить тебя прежде времени.

Радим согласно кивнул и, подхватив свою котомку, направился вверх по склону, в сторону противоположную от спасительных Увалов.

Влох крякнул недовольно и поднял руки, готовясь набросить на поляну первую сеть оборонительных заклятий.

— Ты же хотел ему магического пинка дать, чтобы он убежал, — напомнил Дардейл.

— Хотел, да расхотел, — не разжимая губ, произнес Влох. — Не нравится мне тут. Не то место, чтобы силу тратить впустую. Сегодня парня пожалеешь, а завтра сам ни с чем останешься. Не думал я, что в мире этакие страсти бывают…

Маги еще раз оглядели мирную поляну. Ничто вокруг не обещало близящейся бури и прочих страстей, разве что кузнечики, которым в это время года на песню исходить надо, замолкли, и кругом висела совершенно ноябрьская тишина.

Нити защитных заклинаний, легких, почти неощутимых, опустились на траву. Всякий боевой маг, всякое волшебное воздействие разорвет их, не заметив. Но поверх этих заклятий ложатся защитные заклинания иной природы, тоже непрочные на вид, но сплетающиеся с первыми в подобие паутины. А это уже преграда стократ прочнейшая, нежели первая. Раз за разом маги накидывали на будущее убежище слои колдовской защиты. Темные, светлые… светлые, темные… заклинания все более мощные и изощренные. Поодиночке даже они не могли бы противостоять тому, что копилось в окрестностях, но, сплетясь воедино, обратились в панцирь, какого не знали даже великие маги минувших тысячелетий. Назидательные сказки о непобедимости единства обретали прямой наглядный смысл.

Если смотреть снаружи, фигуры волшебников истаивали, становясь невидимыми и неощутимыми, скоро и магический взор не смог бы проникнуть под покров созданной защиты. Поляна пуста, никого здесь нет, лишь смутное беспокойство ощутил бы прохожий чародей, словно камень-глядун таращится из-под груды обычных валунов. Но даже камня сыскать не получится, колдуй — не колдуй. Нет никого на поляне. Когда-то были, да куда-то подевались.

Оказавшись в защитном коконе, маги уже не двигались, замерли в искусственной оцепенелости, готовясь ожидать сутки, двое или трое, сколько понадобится, чтобы дождаться того

неведомого, что копилось в окрестностях. Оба чувствовали, что ожидание не будет слишком долгим, хотя и не могли сказать, что именно обрушится на, пустынную долину между Увалами и Изумрудным хребтом. Пророчества, как всегда невнятные, обещали последнюю битву между силами Света и Тьмы, воинством Добра и Зла. Хотя тому, кто умел понимать, было ясно, что никакого армагеддона не случится по той лишь причине, что магия вещного мира неуклонно слабеет, и давно уже на Земле нет никаких Света и Тьмы, никакого Добра и Зла, а есть лишь добро и зло, свет и тьма — понятия земные, не требующие особого придыхания от тех, кто произносит эти слова. И даже двое магов — светлый и темный — сумели прийти сюда не для того, чтобы вцепиться друг другу в глотку, но скромно желая поглядеть на небывалое зрелище и, может быть, попользоваться чем-нибудь.

Что поделать, время богов и демонов ушло, удивительные монстры — циклопы, ангелы и драконы — остались лишь в книгах, написанных библиотекарями, а в лесной глуши не встретишь никого волшебнее аюклы. И на зов великой битвы явится разве что деревенский дурачок Радим. А Темный Властелин, Пресветлая Владычица и их воинства останутся только в сказках и мечтах.

И все же Влох и Дардейл лежали, окаменев, обратившись в зрение и слух, ждали, боялись и надеялись.

Ожидание оказалось ненапрасным. Колдуны не успели соскучиться в заточении, когда, казалось, само мироздание хрустнуло, проломившись, как утренний ледок на лужах, и в свисте, грохоте, разрушении явилось исчадие минувших эпох, одетое в непробиваемую чешую, с острым гребнем вдоль спины, с крыльями нетопыря, до времени сложенными вдоль хребта. Оно стегнуло по камням шипастым хвостом, так что каменная крошка рассыпалась вперемешку с искрами, развернуло полотнища крыльев, черных, но словно тающих на периферии, отчего казалось, будто они сотканы из овеществленной антрацитовой мглы. Голова на короткой, но гибкой шее поворотилась, равнодушный взгляд раскосых глаз слепо скользнул по чародеям, сжавшимся в своем жалком убежище. Кокон, только что казавшийся несокрушимым, теперь не обещал никакой защиты. Но то ли дракон не заметил людишек, или жертва показалась слишком ничтожной, либо внимание чудовища привлек более достойный предмет, но смертельный взор не задержался на земле; дракон вскинул башку, гулко выдохнул в небесную синеву столб дымного пламени и безо всякого разбега прянул ввысь. И тут же оттуда, из бездонной синевы, где и жаворонку было бы не скрыться, ударил встречный огонь, ослепительно белый,

подобный молнии, падающей на случайного путника, застигнутого грозой.

Вот когда пришлые ведуны пожалели, что не улеглись изначально ниц, и теперь, когда возможность двигаться покинула их, они вынуждены, не мигая, смотреть на то, чего человеческий взор вынести не в состоянии. Если бы не защитный кокон, они были бы давно мертвы, рассыпались пылью, серебристым пеплом, что остается на месте сожженных городов. Но кокон, сплетенный из враждебных сущностей, противостоял напряжению стихий, а прямого удара по укрытию возомнивших о себе магов никто наносить не пытался. Противоборствующим силам было не до того.

Ярчайшее порождение света, радужный феникс, сцепилось в схватке с огнедышащим драконом, и Вселенная корчилась в судорогах, словно в день сотворения. Зарницы освещали небосвод в самых дальних городах и странах, а в ближних поселениях люди прятались по подвалам или бежали сломя голову. Завсегдатаи «Карлового венца» высыпали из уютного заведения и кричали, размахивая руками. Одни полагали, что в горах проснулся вулкан, другие вполне обоснованно утверждали, что началось светопреставление и бежать все равно не имеет смысла. Если уж подошел конец света, то встречать его лучше в теплой компании за пивом.

Древние хроники утверждают, будто некогда такие существа во множестве населяли Землю, и лишь случайность и вмешательство великих магов не позволили вселенной погибнуть. Кто знает, как оно было в действительности, но сейчас, когда великие маги ушли из жизни, битва света и тьмы началась. Вернее, началась схватка между одним драконом и единственным фениксом. Тьма и свет тоже измельчали и уже не могли собрать настоящего воинства. Армагеддон состоялся, но мир не погибнет и будет дряхлеть в бесконечной старости.

Пораженные глаза не могли разобрать, что именно творилось в вышине. На мгновение обозначались две фигуры, тут же сшибались грудью в грудь, и снова один слепящий огонь метался в небесах. Немного сумеют увидеть любопытствующие маги и еще меньше смогут понять. Знали бы, прятались за Увалами, а за добычей пришли бы, как и положено мародерам, по окончании битвы.

Последний раз грохнуло в небесах, последний раз дрогнула земля, и тишина вернулась в ущелье. Медленно погасло сияние, окружающее защитный кокон, а это значит, что магическая буря стихла, и ничто не рвет больше крепко переплетенные волокна. Можно прийти в чувство, подняться с земли и постараться

вспомнить, кто ты такой, как и зачем очутился в этом краю.

— Живы… — выдохнул Дардейл.

Влох как обычно промолчал, но и он думал о том же.

— Кто мог предполагать, что такие существа еще есть на свете?..

— Были, — обронил слово Влох.

— Как ты думаешь, кто из них победил?

— По-моему, они убили друг друга.

— Я тоже так полагаю.

Волшебники двинулись вверх по ущелью, туда, где предположительно могло упасть то, что осталось от погибших бойцов.

Само ущелье почти не изменилось. Та же трава, местами выжженная огненным ударом, те же деревья, лишь в одном месте вывороченные, словно здесь узкой полосой прошел смерч. Божья коровка взобралась на травину, разломила испятнанную спинку и полетела, ничуть не беспокоясь о том, что несколько минут назад в этой же синеве сражались чудовища, превосходящие все мыслимые пределы. Казалось бы, ничего не изменилось… А вот раздувшееся тельце жабы валяется меж камней. Толстунья оказалась чувствительнее насекомых и погибла, хотя никто ее специально не убивал. И еще скрипит на зубах тонкая пыль, и воздух чуть заметно пахнет, как случается в старом склепе, куда сто лет никто не спускался. Магическая круговерть в пыль растерла тех, кто мог понять или хотя бы испугаться происходящего. В прах обратились мыши, птицы и смышленый дурачок Радим, пришедший на магический зов и сгинувший ни за понюх табаку.

А Влох и Дардейл живы. Они ничуть не пострадали и теперь ищут хотя бы малую толику, ничтожный остаточек бойцов, не сожженный колдовским пламенем. Тела дракона и феникса пропитаны магией, темной или светлой, для артефакта это не имеет значения. В одном перышке, в единой чешуйке магии больше, чем у любого колдуна из ныне живущих. Если, конечно, хоть что-то сохранилось нетронутым и будет найдено прежде, чем страшная сила бесследно рассеется. «Стухнет», — как сказал бы Радим.

Сейчас волшебники действовали как самые простые люди. Применять особые возможности не просто неосмотрительно, а смертельно опасно. Ищущие заклинания в данном случае не помощники, коснешься ненароком уцелевшего фрагмента, и истекающая энергия испепелит тебя, прежде чем успеешь сказать «Ой!». Поэтому колдуны просто прочесывали местность, особо внимательно оглядывая места, выжженные колдовским пламенем.

Находку они углядели почти одновременно. Изогнутый черный коготь почти пол-локтя длиной торчал из оплавленного камня. Должно быть, здесь бойцы ударились о землю, но еще нашли в себе силы подняться и продолжить бой в вышине. А коготь, случайно вонзившийся в камень, был оторван и потому уцелел.

Долгую минуту волшебники стояли возле находки, не смея поверить удаче. Стояли молча, хотя и понимали, что время идет, и сила истекает из будущего артефакта, бесцельно превращаясь в скверну. Сейчас надо извлечь коготь из камня, залечить рану, окутав туманом темных заклятий. Сверху лягут светлые заклинания, потом опять темные… Неутомимо, раз за разом, пока небывалый раритет не будет окончательно законсервирован. А потом придет время решать, как распорядиться немыслимой удачей. Только потом, ибо иначе коготь попросту изноет и бесследно исчезнет, как исчезла легендарная коллекция рыцаря Онеро, от которого не осталось ничего, кроме сказочных историй.

И все же колдуны стояли и думали о том, что произойдет после окончания совместного труда.

— Эту вещь отдавать на сторону нельзя, — произнес Влох.

— Согласен.

— И принадлежать она должна только одному.

— Так, — на этот раз Дардейл оказался лаконичнее товарища.

— Но сначала артефакт должен быть изготовлен.

— Это тоже верно.

— А потом…

— Потом наш договор будет расторгнут, и мы сразимся за право владеть когтем.

— Если победа окажется за мной, я постараюсь оставить тебя в живых.

— Не получится. Не знаю, кто из нас победит, но второй будет сражаться до конца и погибнет наверняка. Так что не стоит обольщать друг друга ложными надеждами. Все должно быть честно и договорено до конца.

— Хорошо. Пусть так и будет. А теперь — за дело!

Маги разошлись, встав по разные стороны от находки, и приготовились раскалывать камень.

Чужеродный звук привлек их внимание. В окружающей тишине, когда всякое существо крупнее божьей коровки, было мертво, человеческие шаги по каменистой осыпи звучали резко и угрожающе. Волшебники обернулись и увидели Радима, который неспешной походкой приближался к ним.

— Ты жив? — нелепо произнес кто-то.

— Сами, что ли, не видите? — переспросил Радим. — Чего мне умирать-то?

Он шагнул вперед, наклонился над когтем.

— Стой! — заорал Дардейл. — Сгоришь!..

— Это вы уже говорили… — возразил Радим и одним рывком выдернул впаявшийся в камень коготь.

— Верни назад… — на выдохе произнес Влох. — Это наше!

Радим медленно покачал головой.

— Ты хоть понимаешь, что это?! — выкрикнул Дардейл. — Это будет величайший из артефактов, если, конечно, не загубить его сейчас! Для тебя эта вещь бесполезна, а мы искали нечто подобное всю жизнь.

— Без этого когтя дракон не сможет ожить или воскреснет калекой, — негромко произнес Радим. — Неужто вы думаете, что ради ваших артефактов я пожертвую своим последним драконом? Корешки аюклы вы получили, а дракон останется у меня.

— Как это, твоим драконом? — выдавил Влох сквозь перехваченное горло.

Дардейл, понявший все раньше, медленно опустился на колени.

— Темный Властелин…

Радим, не отвечая, сел на горячий камень. Долго молчал, поникнув головой. Потом мучительно произнес:

— Какой я, к бесу, властелин… Над чем?.. Властелин должен быть во дворце, среди слуг и подданных. Музыка, яркий свет, красивые люди… А я — я один, уже не помню сколько времени. Всегда один, даже когда выхожу к людям. Раньше хотя бы была сила. Я создавал удивительных существ и отпускал их на свободу. Я создавал семена и расшвыривал их, не зная, что вырастет там, куда упало семя. Вы сами видели аюклу, она все еще растет, хотя я давно не занимаюсь подобными играми. Герои бились с моими созданиями и, случалось, побеждали их. Но сила возвращалась ко мне, чтобы я мог творить новое. Я думал, этому не будет конца. Я ошибался. Сила иссякла, и я не знаю, куда она делась. Может быть, ее сгубили твари вроде той, с которой сражался Гарр — так зовут моего последнего дракона. Не думайте, что его сейчас убили, я непременно оживлю его, и вы не сможете мне помешать. Ни единой чешуйки, ни одной искры вы не получите для своих амулетов. Вы поняли? А теперь уходите. Оба.

Волшебники, темный и светлый, на карачках отползали от человека, в котором и сейчас не могли прощупать никакой мощи. Но этот человек держал в руках коготь дракона, который испепелил бы всякого, кто коснется его, не прикрывшись магической броней, и правдиво рассуждал о вещах, о которых

другие могут лишь сочинять сказки.

Радим не поднял головы, не глянул вслед убегавшим. Они ничего не стащили здесь, а, вернувшись к людям, будут молчать о том, что видели. Ну, так и пусть бегут. Они подобны полевкам, пришедшим по осени в жилой дом: шуршат за стеной, что-то грызут, что-то утаскивают в норку, но серьезного ущерба не приносят. Пускай уносят отгрызенные корешки и вспоминают единственное настоящее приключение в своей не слишком длинной жизни.

Коготь Гарра обжигал тело сквозь тонкую рубашку. Колдовская суть прекратила истекать из него, но он оставался горячим, словно живой. В округе все было залито темной силой, расплескавшейся из тела погибшего гиганта, но эту энергию можно собрать, придать ей прежнюю или какую-то иную форму. Если бы от дракона не осталось ни единой целой части, то о прежней форме можно было бы забыть. Но найденный коготь позволит восстановить не просто порождение тьмы, а именно Гарра, с которым Радим успел сродниться.

Между пятен мрака, расплывшихся по камням, тускло мерцали белесые лужи благодати, вылившейся из тела издыхающего феникса. Создание света не пережило своего противника и нашло здесь свой конец. Душные испарения благодати мешались с тонким ароматом зла. Не так просто будет разделить эту смесь, но он справится, и уже через неделю в ущелье не останется ничего. Можно представить, что здесь будет твориться, ежели в этом краю появятся люди. Люди должны быть злы или добры сами по себе, без помощи магических сущностей. Человек, напитавшийся благодатью, есть такое же чудовище, как и его собрат, исполненный скверны. Жаль, что Радим может собрать и унести только черную силу, а лужи бессмысленной светлой мощи останутся здесь навеки. Зато теперь ничто не сможет угрожать возрожденному Гарру. Впереди много труда, но потом можно будет жить спокойно.

Радим встал, направился вдоль берега речушки. Вода в ней только что кипела, но зелень по берегам оставалась свежей. Есть у мха и травы такая особенность: магический удар не вредит зеленой плоти. Будь иначе, никакая земная жизнь не сумела бы уцелеть в магических поединках прошлого. А так, ушли колдуны и гиганты, и могилы их укрыл зеленый ковер. Незабудки цветут на забытых могилах.

У самого уреза воды ярко светилось пятно. Глядеть на него было больно, и никак не удавалось сфокусировать глаза, чтобы рассмотреть, что же это там валяется. Радим прищурился, шагнул ближе… Золотая корона, погнутая, искореженная жаром

драконьего пламени. Должно быть, она венчала голову феникса, а теперь валяется, закопченная и бессмысленная. Вот была бы находка для недавних Радимовых спутников! Силы в ней осталось, пожалуй, больше, чем в когте, и эту штуку Радим с удовольствием отдал бы собирателям падали. Жаль, что здесь, среди разливов скверны и благодати, Влох и Дардейл не смогли бы сохранить свою непрочную дружбу, и создание артефакта закончилось бы сварой за право владеть им. Так что пусть корона остается ненайденной. Чем скорее она стухнет, тем будет лучше.

Радим поддал золотую безделушку ногой. Корона отлетела на середину речки, солнечные блики, играющие на поверхности воды, скрыли ее, растворив золотое свечение.

Вот так. Теперь пора приниматься за дело. Ему предстоит отделять свет от тьмы, возвращать чистой сущности призрак жизни. Вряд ли кто-нибудь скажет, зачем это нужно, но другой задачи у него нет. Каждый живет, чем умеет.

Мелкая галька посыпалась по склону. Радим вскинул голову. К ручью, легко ступая по ноголомному бездорожью, спускалась девчонка. Нелепо она выглядела здесь, босая, в ветхом платьишке с чужого плеча. Распущенные волосы редкими прядями падали на плечи. Невыразительное лицо: глаза прищурены так, что цвета их не разобрать, тонкие, плотно сжатые губы, слишком длинный нос и брови, изломленные под нелепым трагическим углом.

— Ты… что… здесь… делаешь… — ломко, в четыре слова произнесла она.

— Это, что ты здесь делаешь? — потребовал ответа Радим, глядя в неприятное лицо.

Пожалуй, это все же не девчонка, а взрослая девушка, но оставшаяся недомерком, худая, с нездоровым цветом лица, с головой, втянутой в сутулые плечи, как бывает у служанок, ежеминутно ждущих тычка от недовольной хозяйки. Но каким чудом это домашнее животное, иначе его и не назвать, попало сюда, в безлюдную пустынь, где только что отгремела ужаснейшая битва? Как ее не разнесло в пыль, что до сих пор скрипит на зубах? Или она оказалась ничтожнее жабы и мальков форели, что кверху брюхом плывут по ручью?

— Так это ты убил Айра?

Радим сразу понял, о чем она говорит, но почему-то переспросил:

— Ты это чего?

— Сам знаешь! — огрызнулась девица. — Только учти, я его все равно воскрешу, и тогда тебе не поздоровится.

Она протянула руку, не глядя, зачерпнула опалесцирующую жижу благодати, пятнающую камни. Фигурка девушки, и без того

не слишком плотная, стала едва ли не прозрачной, зато на ладошке возник сначала сияющий ореол, а затем крошечное существо со стрекозиными крыльями. Луговой эльф еще не успел сформироваться, когда незнакомка сжала кулак, остановив волшебство. Но и того, что Радим увидел, было достаточно. В девчонке и сейчас не заметно магической силы, вроде той, что тугими узлами сплеталась в душе Влоха, Дардейла и великого множества других чародеев, которых повидал на своем веку Радим, но мертвая благодать слушалась ее, услужливо подстраиваясь под самые причудливые фантазии. Хотя не слишком верилось, что замухрышка сподобится восстановить сожженного феникса. Если уж собственная способность к регенерации не спасла светлую птаху, ее ничто не восстановит.

— Дура ты, — почти ласково сказал Радим. — Во-первых, ничего у тебя не получится, а во-вторых, на черта ты возишься с этой грязью?

— Все у меня получится, потому что я всю жизнь с грязью вожусь! — сорванным голосом закричала девчонка. — Ты вон чистенький и ухоженный, мамочкин любимчик — что ты можешь знать? А я всю жизнь в услужении, в приживалках! И у кого? Хозяйка — дура, свинья самодовольная. У нее ни рода, ни души — одни червонцы! Это ее муженек пустил нашу семью по миру! Отец погиб, мама умерла, а эта свинья взяла меня в служанки… из жалости! Ты хоть знаешь, что это такое, терпеть придирки и ждать, когда ж появится кто-то добрый и прекрасный и заберет меня от них! Сперва я надеялась, что приедет кто-то из родных, а потом узнала, что весь род вымер и мне остается надеяться только на добрую фею. Знаешь, что это такое, когда в двенадцать лет не во что верить, кроме придуманной феи, потому что в настоящей жизни нет ничего, кроме выволочек и головомоек… Даже веру в бога эта тварь присвоила себе. Тебе когда-нибудь приходилось молиться под угрозой порки? Ты знаешь ли вообще, что такое порка?!

— Знаю, — Радим выпрямился и расправил сутулые плечи. — Это когда ты бегаешь, как проклятый, и вместо «спасибо» каждый норовит дать тебе подзатыльник. И за каждый просчет хозяин дерет вожжами. Не понимаю, с чего ты решила, будто я был мамочкиным любимчиком. Я не помню родителей и всю жизнь был в услужении. Мальчик на побегушках, на постоялом дворе — такое тебе не приходилось пробовать? День за днем пинки и колотушки, и никакой надежды даже на придуманную родню и добрую фею. Но я… — Радим наклонился, зачерпнул темную силу, и на ладони привычно возник источающий яд паук, — я создал из окружающей грязи вот таких пауков и отправил всех

обидчиков туда, где они должны быть.

— А я, — тихо произнесла девушка, — создала из умершей благодати птицу и улетела от людей навсегда. Мне было нетрудно сделать птицу, ханжество разливалось вокруг нашего дома толстым слоем, словно взбитые сливки на хозяйкином пироге. Говорят, когда-то злые чародеи убили там архангела. Но ведь это страшно — жить там, где кого-то убили! А они стремились окунуться в чужую смерть и видели в том счастье. Даже если бы они не были столь бесчеловечны, я не смогла бы быть с ними рядом. Поэтому я улетела от людей, с тех пор живу одна и делаю из мертвого живое.

— Значит, ты Эстель, светлая владычица и мой главный враг, — произнес Радим.

— А ты — темный повелитель, чье имя неназываемо, — без тени боязни проговорила Эстель.

— Меня зовут Радим.

— Мне плевать, как тебя зовут. И мне плевать, как звали меня прежде те люди. Они давно умерли, их больше нет. А меня зовут Эстель, и я тебя не боюсь.

Она опустилась на корточки, провела ладонью над самой землей, собирая расплескавшуюся благодать — кровь погибшего феникса. В самой Эстель и сейчас не добавилось мощи, но Радим знал, что девушка, несчастная и забитая, может в любую секунду создать из собранного света нечто, способное справиться с любым врагом. Радим знал это потому, что сам мог выпустить на худенькую девчонку звероподобную тварь, напоенную темной силой.

— В мире не осталось чудесного света, — не поднимая головы, произнесла Эстель, — но я все равно воскрешу Айра, и тогда тебе придется худо.

— Я прежде оживлю Гарра, — возразил Радим, — и мы посмотрим, кому будет хуже.

Эстель не ответила. Возможно, она была полностью поглощена своим делом, а может, ей нечего было возразить. Коготь дракона в хозяйских руках излучал черное сияние, владычица света чувствовала его и понимала, что в гонке творения противник и впрямь обгонит ее.

Радим стоял, сверху вниз глядя на своего извечного врага. Потом отвернулся и ступил в реку. Теплую воду вместе с погибшей рыбой давно снесло течением, поток, берущий начало в ледниках, снова был до судорог холодным. Вода ощутимо сбивала с ног, идти приходилось очень осторожно. Радим зашел по колено, наклонился, нашарил на дне искореженную корону. Холодное золото жгло пальцы волшебным огнем, но Радим не

выпустил находку и с короной в руках выбрался на берег.

— Вот, держи.

Эстель выхватила из рук Радима корону, прижала к груди. Потом медленно выдавила одно слово:

— Спасибо.

На этот раз не ответил Радим.

Некоторое время они молча занимались каждый своим делом. Свет и тьма, смешавшиеся в недавней битве так, что их, казалось, вовеки не разделить, почувствовав присутствие хозяев, незримыми потоками стремились каждый в свою сторону. Веками здесь было чисто: ни скверны, ни благодати. Так же чисто стало и теперь.

Можно уходить.

Радим последний раз окинул взглядом ущелье, потом приблизился к Эстель и спросил:

— Ты придешь сюда еще?

Эстель осталась неподвижна, только рука ее продолжала оглаживать камень, словно собирая остатки света.

— Я приду сюда завтра, — сказал Радим.

— До завтра я не успею воскресить Айра…

— Гарр тоже еще не успеет родиться. Но я все равно приду и буду ждать.